

История великих королей Средневековья

КОРОЛЕВЫ ЗАВОЕВАНИЙ

Элисон
Уэйр

Историческое
исследование,
увлекательное,
как роман.

The Times

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Элисон Уэйр
Королевы завоеваний
Серия «Короли и королевы.
Тайные истории»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70370107
ISBN 978-5-389-25057-4*

Аннотация

Жизнь средневековых королей Англии была насыщена событиями – любовью, интригами, предательствами, супружескими изменами и войнами. Но подробности их биографий после многих столетий умолчания изгладились из исторической памяти, а реально произошедшее в трактовке биографов последующих веков обросло легендарными деталями. Признанный мастер биографического жанра Элисон Уэйр предлагает прикоснуться к самым надежным источникам, чтобы отделить подлинную жизнь нескольких из этих выдающихся женщин от многовекового налета романтических преданий и вернуть им законное место в истории.

Эта монументальная королевская сага охватывает годы от Нормандского завоевания 1066 года до 1154 года, когда на трон взшел Генрих II и его супруга Алиенора Аквитанская стала первой королевой династии Плантагенетов. Другие героини этого документального эпоса: супруга Вильгельма Завоевателя

Матильда Фландрская, Матильда Шотландская, почитаемая как «мать всех англичан», и императрица Мод, первая женщина-правительница Англии, чей сын – король Генрих II – впоследствии основал династию Плантагенетов.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	10
Пролог	24
Мы пришли за славой	25
Часть 1. Матильда Фландрская, королева	28
Вильгельма I	
1	28
2	37
3	43
4	47
5	58
6	72
7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

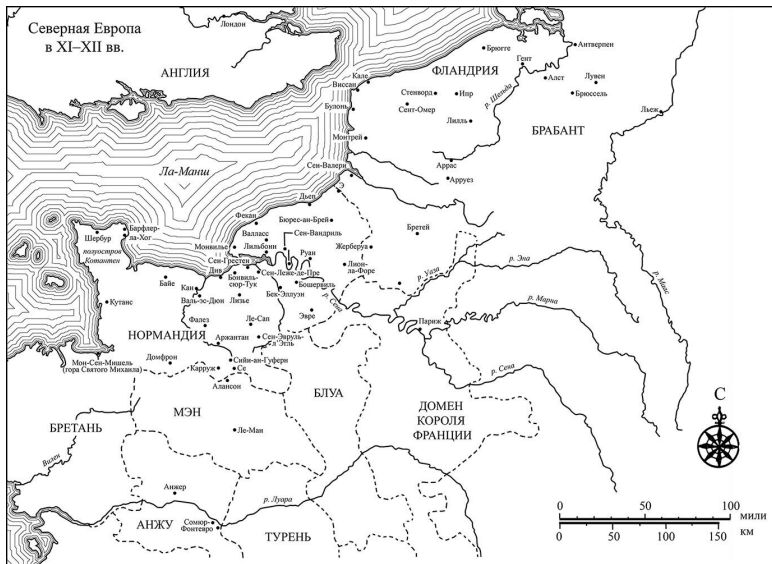
Элисон Уэйр

Королевы завоеваний

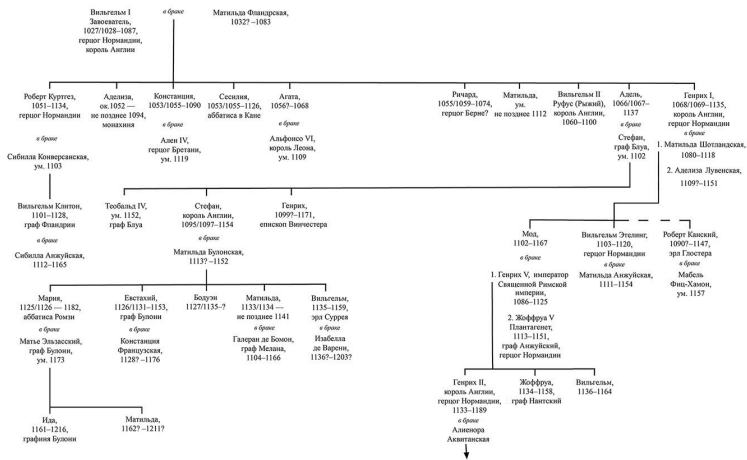
С любовью посвящается Венди, Брайану, а также Эйлин Дон и Эйлин Латчфорд, которые являют нам всем достойный пример для подражания

Англия и Уэльс в XI–XII вв.

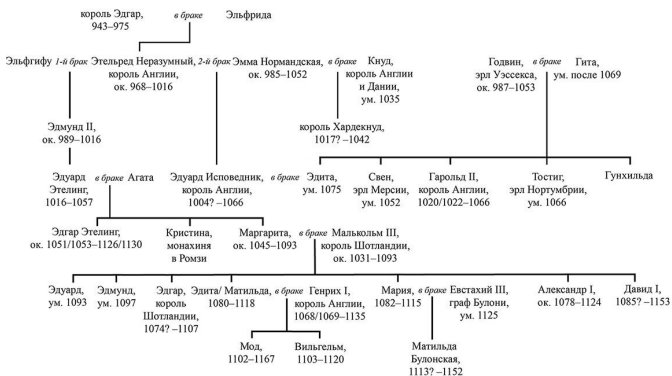

Нормандские короли и королевы Англии

Родственные связи саксонских королей

Введение

Яркое и волнующее сказание о средневековых королевах Англии насыщено трагедиями, высоким драматизмом, а порой и комедийными эпизодами. Это хроника любви, страсти, интриг, убийств, войн, измен, предательства и горя. Ее населяют тени героических женщин, злодеек, амазонок, государственных деятелей, прелюбодеек и влюбленных. Полная картина скрыта пеленой времени, и многие детали нам не видны, но мы имеем достаточно сведений, чтобы воссоздать эту захватывающую историю. Цель книги – собрать воедино фрагменты мозаики, отбросить многовековую традицию романтического мифотворчества, которое искажает правду о королевах, выйти за рамки средневековых предрассудков, отказаться от излишней доверчивости и суеверий, характерных для источников нормандской эпохи, и попытаться достичь более уравновешенного, соответствующего эпохе отношения к событиям прошлого.

С тех пор как Агнес Стрикленд в 1840-х годах опубликовала некогда новаторскую, но ныне уже безнадежно устаревшую, субъективную и романтизированную книгу под названием «Жизнь английских королей», в свет вышел целый ряд примечательных биографий отдельных лиц, а также несколько популярных групповых жизнеописаний. В последние годы академический интерес к средневековым правительни-

цам растет, что позволяет рассмотреть их деятельность в более широком контексте.

Моя книга не является академическим трудом, хотя для ее написания я привлекла много научных работ. Это повествование о беспокойных временах, адресованное всем любителям истории и основанное преимущественно на первоисточниках. Авторы научно-популярной исторической литературы, начиная со Стрикленд, обвиняли в излишне эмоциональном обращении с историей. Я твердо убеждена в необходимости объективного подхода, но, по моему мнению, ни одна история не будет полной без понимания переживаний действующих лиц, поэтому, если в моем распоряжении были авторитетные свидетельства, я писала и о чувствах моих героинь.

Я изучала период правления английских королей на протяжении многих лет, освоив колоссальный объем литературы, в деталях освещавшей жизненный путь более двадцати исторических лиц. Немало времени ушло на то, чтобы систематизировать этот обширный материал. Его оказалось так много, что это лишь первый из четырех томов, посвященных событиям нескольких столетий – от Нормандского завоевания Англии в 1066 году, когда Матильда Фландрская подарила своему мужу, герцогу Вильгельму, флагманский корабль «Мора», до таинственной смерти жены Ричарда III, Анны Невилл, в 1485 году. Я стремилась проникнуть в подробности жизни королей и понять, как им удавалось пра-

вить страной и влиять на умы в жестоком мире мужского господства. Жизненные пути многих королей пересекаются, поэтому, вместо того чтобы писать для каждой из них отдельную биографию, я сплела из их историй единую сагу, которая предлагает всесторонний взгляд на природу и развитие женской королевской власти в эпоху английского Средневековья, а также широкую панораму пятисотлетней британской истории. Я не включила в свой рассказ Алиенору Аквитанскую и Изабеллу Французскую, так как уже выпустила их биографии, которые будут последовательно представлены в рамках серии.

Первая книга серии посвящена женам нормандских королей Англии. Четырех из них звали Матильда: написания Matilda, Mathilde, Mahaut, Mald и Maud представляли собой варианты одного имени, последний из которых являлся древнегерманским. Поэтому во избежание путаницы я обозначила своих героинь как Матильду Фландрскую, Матильду Шотландскую, императрицу Мод и Матильду Булонскую.

Нормандские монархи Англии, правившие с 1066 по 1154 год, владели двумя территориями, именуясь герцогами Нормандии и королями Англии. Они имели весьма смутное представление о национальном самосознании, властвуя в феодальном мире, где над каждым человеком стоял сюзерен, король отвечал лишь перед Богом, а главной ценностью считалась земля. По этой причине нормандские монархи рассматривали Европу как перспективное направление для рас-

ширения своего влияния и брали жен из европейских королевств и княжеств. Все средневековые королевы Англии, за исключением одной, происходили из могущественных королевских домов Европы. Только в 1464 году английский король впервые женился на простолюдинке английского происхождения.

Одна нормандская королева правила англичанами еще до завоевания 1066 года. Богатая и расточительная Эмма Нормандская (ок. 985–1052), которая имела двойное право на титул королевы Англии как жена Этельреда II и короля Кнуда, а также как мать короля Эдуарда Исповедника. Однако ее история не вошла в эту книгу, потому что мужа Эммы правили Англией до Нормандского завоевания.

Что означает слово «королева»? Королева-регент – это женщина-монарх, которая наследует трон и правит самостоятельно, проводя суверенную политику, в отличие от королевы-консорта, жены правящего короля, которая делит с мужем высокое положение и титул, но не смеет посягать на его полновластие. Вдовствующая королева – это супруга покойного короля. Королева-мать – это вдовствующая королева и мать правящего монарха.

Четырех из пяти нормандских королей короновали как королеву-консорта. Со времен Нормандского завоевания в 1066 году до переворота, который возвел на трон леди Джейн Грей в 1553 году, Англия не знала ни одной королевы-ре-

гента. На протяжении этих столетий женскую королевскую власть в Англии представляли королевы-консорты, за исключением императрицы Мод, которая заявляла – не без основания, – что является полноправной королевой-регентом, и вела войну, чтобы утвердиться в своем праве. Я включила ее в книгу, потому что Генрих I назначил Мод наследницей престола и по закону она должна была стать преемницей отца.

Во многих государствах законы запрещали женщинам наследовать трон и возбраняли передачу престола по женской линии, ссылаясь на древний правовой кодекс салических франков, предположительно составленный около 500 г. н. э. легендарным французским королем Хлодвигом. В Англии салический закон никогда не действовал, и четыре короля, Стефан, Генрих II, Эдуард IV и Генрих VII, пришли к власти полностью или частично благодаря женщинам в роду, тогда как притязания Эдуарда III на французский трон по материнской линии послужили причиной Столетней войны. Стоит также отметить, что четырех из пяти нормандских королей выбрали в супруги из-за родословной их матерей.

Хотя женщин уважали как продолжательниц династической линии, их традиционно относили к категории низших существ, приписывая им излишнюю чувствительность и иррациональность. Господство женщины над мужчинами считалось противоестественным и нежелательным. Не многие женщины могли похвастаться независимостью. Девочки

подчинялись отцам, жены – мужьям. «Женщина принадлежит своему мужу целиком и полностью, – заявлял Ранульф де Гленвиль, главный юстициарий Англии, – поэтому неудивительно, что все имущество жены находится в его распоряжении». Только вдовы избегали мужского надзора и обладали правом действовать самостоятельно.

Как правило, в средневековый период королевы-супруги не правили с мужьями на равных. Бытовало мнение, что королева-консорт не может оказывать серьезное влияние на короля в решении политических вопросов и наделена властью только благодаря авторитету мужа, которому, как все замужние женщины, обязана своим статусом. Королев допускали лишь в определенные сферы власти. Предполагалось, что королева способна дать мудрый совет лордам. Теоретически королевам-супругам не полагалось иметь политических амбиций, но на практике у некоторых из них амбиции определенно были.

Тем не менее нормандские королевы признавались равноправными носителями королевской власти. Три королевы правили как регенты, пока их мужья находились за границей. В случае необходимости королевы брались за оружие. Без супружеской поддержки нормандские короли не смогли бы столь эффективно управлять своими разрозненными владениями. В академической среде принято обозначать трех королев-супруг с именем Матильда как Матильда I, Матильда II и Матильда III – удачный прием, позволяющий избе-

жать путаницы. Но подобное именование намекает, иногда небезосновательно, на обладание королевской властью, что подкрепляется ссылками на годы супружества как на период «правления». Разумеется, на печати¹ Матильды Шотландской красовалось имя Матильды II, вероятно, с целью отличить ее от предшественницы, Матильды Фландрской.

Истории известны случаи, когда королевы-супруги, обладая проницательным или амбициозным государственным умом, неофициально выступали в роли доверенных советников мужей или сыновей, а кто-то, как Матильда Булонская, скрыто правил, оставаясь в тени супруга. Королевы-консорты находились в уникальном положении, которое позволяло им во многом определять волю монарха и править вместе с ним. Хотя ни одна средневековая английская королева, кроме Изабеллы Французской, не обладала суверенной властью при взошедшем на престол несовершеннолетнем сыне, королевы-матери часто оказывали влияние на своих детей – как минимум в культурной и религиозной сфере. Так, в период, о котором идет речь, императрица Мод в годы правления сына пользовалась всеобщим уважением и занималась государственными делами, а нормандские короли Вильгельм II и Генрих I росли, глядя, как их мать, Матильда Фландрская, эффективно управляет Нормандией в качестве регента. Супруга Генриха, Матильда Шотландская, правила Англией как регент в течение нескольких лет. Императрицу Мод просили возглавить Священную Римскую империю

после смерти ее мужа, Генриха V. Матильда Булонская велла войну от имени супруга – и выиграла ее. Нет оснований утверждать, что нормандские королевы носили свой титул номинально.

Можно сказать, что средневековые королевы во многом остаются загадкой, а их характер ускользает от нас. Мы посмотрим на них спустя сотни лет – почти тысячу в случае Матильды Фландрской. К сожалению, за столетия немало сведений кануло в Лету, если они вообще когда-либо были записаны. К примеру, мы бы, вероятно, знали больше об императрице Мод, если бы сохранилось ее жизнеописание за авторством Арнульфа из Лизье². Волнующие пробелы – истинное проклятие средневекового биографа – неизбежны, особенно если речь идет о женщинах. Дело в том, что поступки женщин, если только они не были на редкость благочестивыми, политически важными или скандальными, редко заслуживали упоминания. Тем не менее сведений оказалось достаточно, чтобы рассказать яркую и драматичную историю. Выстраивая свое повествование, я брала за основу наиболее надежные, с моей точки зрения, свидетельства современников.

Перенеситесь в XI век, и вам улыбнется удача, если выяснится, что хотя бы часть здания, которое видела Матильда Фландрская, уцелела. Порой бывает невозможно определить, где это здание стояло. Даже о королевских замках до правления Генриха II (1154–1189) сохранилось крайне ма-

ло сведений. Многое стало известно благодаря археологическим изысканиям.

Мы не имеем ни малейшего представления о том, как древние королевы выглядели. До нас не дошло ни одного надгробного изображения английской королевы нормандского периода (самое раннее, в аббатстве Фонтевро, датируется началом XIII века), а портретной живописи как искусства в ту пору не существовало – первый портрет английского короля Ричарда II был написан в 1390-х годах. Изображение королевской особы сводилось к условной голове, увенчанной короной. Те немногие изображения, которые у нас есть, находятся на печатях, монетах, в рукописях, часто более поздних, или же представляют собой грубые скульптуры, не претендующие на портретное сходство. Поэтому мы вынуждены полагаться на описания современников, если таковые существуют, однако слишком часто королев называли просто «светлыми» (fair), сообщая об их красоте, а не о цвете волос.

Большая часть сведений о нормандских королевах почерпнута из монастырских хроник, среди которых встречаются как надежные, так и не внушающие доверия. Кое-где можно натолкнуться на любопытные подробности повседневной жизни королев, хотя большинство современных им авторов писали лишь о женщинах, совершивших что-то примечательное или возмутительное. Монахи-хронисты, связанные обетом безбрачия и не доверявшие женщинам из-

за того, что первая из них вовлекла мужчину в первородный грех, безоговорочно делили женщин на святых и дьяволиц, подверженных всем слабостям Евы. Так что мнение монахов могло быть предвзятым. При этом даже отъявленные женоненавистники называли королев прекрасными и превозносили их красоту. Трудно оценить, насколько правдивы эти хвалебные описания. Летописи содержат мало прямых цитат, и мы, как правило, не знаем, произносили женщины именно те слова, которые им приписывают, или же перед нами вольный пересказ, если не домысел, автора рукописи. Вкладывать речи в уста публичных персон, которым посвящались исторические труды, в те времена было общепринятой практикой.

До нас дошло лишь несколько королевских писем тех лет. У нас нет ни одного письма Матильды Фландрской, Аделизы Лувенской и Матильды Булонской. До XV века английские королевы диктовали письма секретарям, которые переводили их на латынь, универсальный язык христианского мира; поэтому подлинные слова королев могли быть отредактированы. Некоторые письма, отправленные нормандскими королевами или адресованные им, довольно многословны, поэтому в основной части книги их содержание изложено кратко. Для тех, кто желает глубже проникнуть в суть, письма приведены полностью в Приложении 2.

Неожиданные сведения можно обнаружить в сухих записях о расходах, таких как хартии и казначейские свитки (Pipe

Rolls), которые являются кладезем ценной информации. Выдавая хартии о пожаловании даров и вольностей, феодальные короли и королевы скрепляли свою связь с подданными. Изучая хартии, можно узнать о патронате средневековых королев, а также о том, кому они расточали свои щедроты и раздавали привилегии. Хартии указывают нам, где находилась королева в определенное время, позволяя уточнить датировки, почерпнутые из других свидетельств, и составить маршрут перемещения монаршей особы. Преимущество хартий заключается в том, что они написаны на латыни или нормандско-французском и хорошо переводятся на современный язык, придавая повествованию свежесть, которой недостает книгам о более поздних периодах, основывающихся на источниках на тяжеловесном среднеанглийском языке. Цитируя документы той эпохи, я иногда заменяю местоимения на имена и, наоборот, уточняю должность или титул, а порой добавляю союз или глагол, чтобы текст выглядел гладким. Когда Мод пренебрежительно называют «графиней Анжуйской», я для ясности пишу «императрица».

Несмотря на скудость информации о нормандских королевах, мы располагаем достаточным объемом сведений, чтобы подкрепить их жизнеописание упоминанием мелких деталей и показать, что по меркам своего времени это были незаурядные женщины, которых не следует рассматривать просто как довесок к мужьям. Мало кто из преемниц нормандских королев мог похвастаться подобным авторитетом

и влиянием.

Работая над книгой, я преимущественно опиралась на многочисленные хроники того времени, охватывающие годы жизни моих героинь; некоторые летописи, например за авторством Ордерика Виталия и Вильгельма Мальмсберийского, являются основными свидетельствами той эпохи. Для самых любознательных читателей я привела краткие сведения о летописцах, перечислив их в алфавитном порядке в Приложении 1.

Я признательна множеству других историков, которые прошли этот путь до меня и опубликовали свои исследования спустя годы после того, как я завершила свое. В частности, достойна восхищения блестящая эрудиция четырех ученых, составивших авторитетные жизнеописания нормандских королев: доктора наук Трейси Борман, автора биографии «Матильда, королева Завоевателя» («*Matilda, Queen of the Conqueror*»), профессора Лоис Ханикатт, автора книги «Матильда Шотландская: правление средневековой королевы» («*Matilda of Scotland: A Study in Medieval Queenship*») и различных статей по теме, доктора наук Патрисии Дарк, автора диссертации «Жизненный путь Матильды Булонской, графини и королевы Англии» («*The Career of Matilda of Boulogne as Countess and Queen in England*»), с которой я имела честь ознакомиться до публикации, а также доктора наук Марджори Чибналл, ныне покойной, кавалера Ордена

Британской империи, автора книги «Императрица Матильда» («The Empress Matilda») и ряда статей. Я не хотела, чтобы мои портреты нормандских королей оказались зеркальным отражением образов, представленных в этих трудах, поэтому обратилась к ним на заключительном этапе своей работы. К тому времени моя книга существовала в предпоследней редакции, базируясь на первоисточниках.

Для нормандского периода отсутствуют таблицы пересчета валют. Самые ранние из них относятся к XIII веку. В англосаксонские времена в обращении находился только серебряный пенни, или денарий. В эпоху нормандцев в качестве расчетных единиц использовали шиллинг, или солид, равный 12 денариям, и фунт стерлингов, или либр, равный 20 шиллингам или 240 пенни. Эта система сохранялась до 1971 года, когда ее изменили на десятичную. Имелась также другая расчетная единица под названием марка. После нормандского завоевания она стоила 13 шиллингов и 4 пенни, или две трети фунта стерлингов.

На протяжении двух столетий после 1080 года пенни весил 22,5 грана серебра. Сегодня 22,5 грана, то есть 1,46 г, серебра стоят примерно 61 пенс, хотя цены могут колебаться, к тому же при нормандцах серебро в Англии ценилось выше.

Я бесконечно благодарна Трейси Борман за то, что она выкроила в своем плотном графике время, чтобы ознакомиться с черновым вариантом моей книги, и дала весьма доброжелательный отзыв. Я, как всегда, в долгу перед моим агентом

Джулианом Александром, а также выпускающими редакторами Дэном Франклином из издательства «Jonathan Cape» и Сюзанной Портер из издательства «Ballantine», которые помогли мне в реализации проекта, разделили мою уверенность в том, что одной книги для достойного отображения жизни средневековых королей недостаточно, и дали возможность провести полномасштабное исследование на страницах четырех томов.

Огромное спасибо редакторам Энтони Уиттому за чуткий и творческий подход и Беа Хемминг из «Jonathan Cape» за поддержку. Я выражаю благодарность прекрасному коллективу издательства «Jonathan Cape»: Нилу Брэдфорду – за выпуск книги, Клэр Баллок и Мадлен Хартли – за поиск иллюстраций, Ровене Скелтон-Уоллес и Джейн Селли – за редактуру, Элисон Рэй за корректуру и Алексу Беллу – за составление указателя. Также благодарю Стивена Паркера за восхитительную обложку.

Я бы никогда не смогла написать эту книгу без поддержки моего мужа Рэнкина. И хотя слова не способны в полной мере отразить то, что он для меня делает, я от чистого сердца говорю ему: спасибо тебе за все.

Пролог

Представьте себе страну за многие столетия до начала индустриализации, зеленую сельскую местность, где перемежались обширные королевские леса и неогороженные поля, дикие вересковые пустоши и непересыхающие болота, где редкие деревушки утопали в тени высоких замков, а маленькие шумные города обносились стенами. Ее населяло всего два миллиона человек, чья жизнь подчинялась двум календарям: сельскохозяйственному и церковному.

Королевство страдало от конфликтов между церковью и короной, а также многовековых раздоров между коренными англосаксами и жадными до земли датчанами. Его покрывали шрамы, нанесенные свирепыми викингами, подчинившими себе ряд областей на севере и востоке острова. Тем не менее здесь процветали торговля и ученость, а родословная королей восходила к Ною и скандинавскому богу Одину. Это была эпоха истинной веры, суеверий, а также кровопролитных войн.

Представьте, что вместо привычных нам уличных и электрических шумов звучат голоса птиц и зверей, звенят церковные колокола, льются песнопения, ведутся разговоры, а где-то гудит охотничий рожок или бренчит лира. Так славно выглядела Англия во времена нормандских королей.

Мы пришли за славой

Это была грандиозная новость.

Гонец из Англии прибыл в Нормандию вскоре после 14 октября 1066 года. Он нашел герцогиню Матильду Фландрскую в часовне основанного ею приората Нотр-Дам-де-Пре близ Руана, где она, преклонив колени, молилась о благополучии супруга.

Ее муж, Вильгельм, герцог Нормандский, в прошлом месяце вторгся в Англию, намереваясь захватить трон, который, как он считал, принадлежал ему по праву. Герцог пережил ужасный переход по морю в штормовую погоду. Сходя на берег у города Певенси на южном берегу Англии 28 сентября, он споткнулся и упал. Его спутники вскричали, «объятые страхом от столь дурного предзнаменования», но Вильгельм обратил падение в свою пользу, воздев к небу полные пригоршни песка и объявив: «Обеими руками держу я теперь землю Англии». Герцога вынесли на сушу под ликующие крики¹.

Вскоре Вильгельм узнал, что английский король Гарольд находится далеко на севере, отражая нападение короля Норвегии Харальда Сурового. Одержав победу при Стамфорд-Бридже в Йоркшире и убив норвежского короля, Гарольд двинулся на юг, чтобы расправиться с нормандской

угрозой. 14 октября две армии встретились на Сенлакском холме в Суссексе, в пяти милях от прибрежного Гастингса, и вступили в сражение, которое длилось шесть часов и вошло в историю как битва при Гастингсе.

Перед началом сражения Вильгельм обратился к своим людям: «Я не сомневаюсь в победе. Мы пришли за славой, победа в наших руках, и мы ее, несомненно, одержим, если пожелаем». На поле боя герцог не знал устали. «Смотреть, как он правит конем и орудует копьем, как сверкают его меч и доспехи, было отрадно и страшно одновременно». Говорили, что в тот день под Вильгельмом пали в бою три лошади, но он все равно продолжал сражаться.

Гарольд рассредоточил войско вдоль гряды Сенлакского холма, поставив нормандцев, расположившихся на поле внизу, в невыгодное положение. Но когда по приказу Вильгельма нормандцы начали отступать, англичане приняли роковое решение покинуть сильные позиции и преследовать противника. В этот момент ход битвы переломился в пользу Вильгельма, поскольку нормандцы неожиданно развернулись и вступили с англичанами в бой, который быстро превратился в кровавую резню. Гарольд пал, смертельно раненный, под штандартами с изображением воителя и золотого дракона Уэссекса. Предание гласит, что ему в глаз попала стрела, но в соответствующей сцене на гобелене из Байе присутствует зарубленный топором воин, который вполне может быть Гарольдом. Известно, что мать и метресса смогли опознать

изуродованное тело короля только по тайным отметинам на нем.

Вильгельм одержал победу и во исполнение обета, данного перед отплытием из Нормандии, «на том самом месте, где Бог даровал ему власть над Англией, приказал построить большое аббатство, поселил в нем монахов и осыпал [обитель] щедрыми дарами»². Здесь погиб Гарольд и полегло много воинов, поэтому Вильгельм распорядился, чтобы в аббатстве вечно возносились молитвы во искупление его собственных грехов, грехов его жены Матильды и всех павших. Аббатство Баттл стоит на месте битвы и по сей день, хотя от построек времен Вильгельма почти ничего не осталось.

Вильгельму еще предстояло закрепить победу и провозгласить себя королем, но вначале он отправил гонца за море в Нормандию, чтобы сообщить Матильде, что отныне она Божьей милостью королева Англии.

Часть 1. Матильда Фландрская, королева Вильгельма I

1

Прекрасная девушка благородных кровей

Граф Бодуэн V Фландрский был известен всему христианскому миру как мудрейший из людей¹, уверенный правитель и предтеча благородного рыцарства – государь, чьей дружбы искали многие. Он «обладал огромной властью и превосходил многих. Графы, маркизы, герцоги, даже архиепископы самого высокого ранга от восхищения теряли дар речи всякий раз, когда по долгу службы удостоивались присутствия столь видного гостя. Короли почитали его и благоговели перед его величием»². Он происходил из могущественной и знатной семьи³, возводившей свой род к императору Карлу Великому и английскому королю Альфреду (правил в 871–899 гг.), дочь которого Эльфрида вышла замуж за Бодуэна II, предка Бодуэна V.

Бодуэн V владел одной из самых обширных территорий на карте Северной Европы. Он был крепок телом, силен в бою,

мудр в советах, «кристально честен», «достойн восхищения за благонадежность и ясный ум; убелен сединами, но полон энергии юности». В глубине души он не был мужем брани, но если считал дело правым, то поддерживал его всем сердцем и хранил верность союзникам⁴. Репутация графа была тако-
ва, что в 1060 году его шурин, Генрих I, король Франции, назначил Бодуэна V регентом при своем малолетнем сыне Филиппе.

Своим высоким положением Бодуэн был во многом обя-
зан женитьбе на сестре французского короля⁵. Благочести-
вая, сильная духом Адель, дочь короля Франции Роберта II,
подарила мужу «даровитых сыновей и дочь»: Бодуэна, Ро-
берта и Матильду⁶. От «мудрой и благословенной» графини
Адели дети унаследовали «родословную во много раз более
славную», нежели родословная их отца⁷.

Нет никаких записей о том, в каком порядке дети появи-
лись на свет. Дата рождения Матильды неизвестна. Самой
ранней возможной датой – если девочка родилась первой –
является 1031 год, когда ее родители вступили в брак во-
преки возражениям деда, Бодуэна IV. Противодействие отца
стало одной из причин, по которой Бодуэн V, подстрекаемый
женой, вскоре взбунтовался против него⁸, подняв восстание.
Вероятнее всего, Матильда родилась в 1032 году или позже.
Кровные узы связывали ее с большинством правящих домов
Европы, «она происходила из рода королев Галлии и импе-

раторов Германии, в равной степени славясь благородством крови и нрава»⁹.

Матильда росла при дворе отца, который располагался в Брюгге, или Брюгии, как изначально назывался город, в замке IX века, резиденции графов Фландрии. Замок на берегу реки Рейе на месте современной Бургплац, или Замковой площади, рядом с романской церковью Святого Донатиана¹⁰ построил около 850 года граф Бодуэн I по прозвищу Железная Рука. Из Брюгге Бодуэн Железная Рука проводил политику агрессивной экспансии, создавая графство Фландрия. При брате Матильды, графе Роберте, именуемом Фриз, Брюгге стал столицей Фландрии. Во времена Матильды это был процветающий торговый центр, который «широко славился числом жителей и достатком»¹¹.

Матильде также доводилось бывать в замке отца во фламандском городе Лилле. Он стоял на острове – по-французски «l'île», отсюда и название города, – на левом берегу реки Басс-Дель в сельской местности, к которой на востоке примыкал виноградник. В замке, построенном не позднее 1039 года, размещалась часовня Шapelъ-де-ла-Трей, где поклонялись Пресвятой Деве¹². Донжон, или главную башню, окружали стена и ров. Внутри находилась резиденция графа под названием Ла-Салль (La Salle)¹³.

Графу Бодуэну принадлежали и другие резиденции, в которых могла останавливаться Матильда: деревянный замок

IX века в Генте, на месте которого в 1180 году построили нынешний Гравенстен, «графский замок»; замок на вершине холма в Торуане с видом на кафедральный собор; и «бург» (bourg) X века в городе Сент-Омер, где двор встречал церковные и светские праздники¹⁴.

Фландрия, родина Матильды, была беспокойным местом. «Убийства и кровопролитие ежедневно нарушали мир и покой всего края». Знатные сеньоры призывали епископов «посетить области, где бушевал разгул чудовищной жестокости, чтобы наставить податливых и кровожадных фламандцев на путь мира и согласия»¹⁵. Тем не менее торговля и коммерция ширились, открывая новую эру процветания.

Возможно, возраст позволил Матильде присутствовать в 1037 году на встрече изгнанной английской королевы Эммы Нормандской, вдовы короля Кнуда, которую граф Бодуэн и графиня Адель «с почетом приняли» в Брюгге¹⁶, после того как ее пасынка, короля Гарольда по прозвищу Заячья Лапа¹⁷, выслали из Англии. Бодуэн предоставил Эмме приют «до тех пор, пока она будет нуждаться»¹⁸. Эмме Нормандской было тогда около пятидесяти двух лет. Она прожила при дворе Бодуэна, оплачивая все расходы из собственного кармана, до 1040 года, когда Гарольд Заячья Лапа умер и ее родной сын Хардекнуд унаследовал английский трон. За это время юная Матильда могла познакомиться с Эммой

поближе и, вероятно, получить представление об амбициозном и напористом нраве английской королевы. Эмма обладала политическим влиянием, за что пользовалась уважением, и, благодаря своему богатству, оказывала покровительство ученым. Находясь в Брюгге, она неустанно добивалась права Хардекнуда наследовать своему единокровному брату. Возможно, она также рассказывала Матильде о Нормандии, где выросла.

Когда Хардекнуд получил корону и королева Эмма наконец вернулась в Англию, народ Фландрии «рыдал, ибо та, кого за годы изгнания они сочли соотечественницей, их покидала». «Плач оглашал все побережье, люди, стоявшие рядом, горько стонали», а Бодуэн, Адель и Эмма, прощаясь, пролили «великое множество слез»¹⁹.

Наступит день, когда летописец Ордерик Виталий воздаст хвалу уму и учености Матильды. Воспитанием венценосных детей до семилетнего возраста занималась мать. При дворе Бодуэна ценилось образование. Матильду вместе с братьями, скорее всего, учили читать по-латыни, но, как большинство высокородных детей, не обучали письму. Писать за нее будут секретари. Большую часть времени Матильда изучала Священное Писание и жития святых. Вполне возможно, девочка познакомилась с жизнеописанием императрицы Священной Римской империи X века, влиятельной Адельгейды Бургундской, составленным по заказу ее матери²⁰. Ма-

тильде были привиты навыки рукоделия, ведения обширного домашнего хозяйства и склонность к благочестию. То была эпоха господства христианской веры. Хронист Гийом из Пуатье, архидиакон Лизье, отмечал, что самым похвальным качеством Матильды была «крепкая вера и пламенная любовь ко Христу».

Дочерей королей и крупных феодалов, которых называли принцессами, но не титуловали так до XVIII века, готовили к тому, что рано или поздно они вступят в брак по договоренности и что их долг – повиноваться вначале родителям, а затем мужьям. Вступить в брак стремились представители обоих полов, а для многих женщин он определял их роль в жизни. Альтернативой был монастырь, но обычно ожидалось, что девушки королевских и благородных кровей удачно выйдут замуж. Редкая женщина умирала незамужней или не принявшей монашеский обет.

Таким образом, высокородных девушек воспитывали с целью подыскать подходящего супруга, человека надлежащего звания и положения в обществе. Матери полагалось следить за тем, чтобы дочери росли целомудренными, благоразумными, скромными, благочестивыми, послушными и готовыми к замужеству.

Как большинство девочек, принцесс приучали к мысли о подчиненном положении женского пола и ограниченности женских свобод, хотя пример матерей часто показывал им, что знатные женщины могут пользоваться значительным

влиянием. Идея о неполноценности женщин зародилась еще до принятия христианства, а затем на протяжении столетий христианское учение насаждало ее в самой жесткой форме. Женщина была орудием дьявола, виновницей первородного греха, той, кто стремился отвести мужчину от пути к спасению. Одним словом, женщина являла собой единственное несовершенство Божьего творения. В Средние века женщинам приписывали слабость и безволие или же видели в них деспотичных греховодниц, искусительниц и блудниц. Считалось, что молодых девушек необходимо защищать от самих себя, чтобы взрастить целомудренных и покорных жен и матерей. Брак был краеугольным камнем средневекового представления о божественном мироустройстве: муж правил семьей, как король – королевством и Бог – вселенной, а жена повиновалась супругу и господину на правах подданной.

Матильда выросла привлекательной, грациозной, набожной, образованной и горделивой²¹ – «прекрасной девушкой благородных кровей и королевского происхождения», как восхищенно отзывался о ней капеллан герцога Вильгельма Нормандского Гийом Жюмьежский, который, скорее всего, знал ее лично.

В XIX веке на основании хартий приората Льюис в Суссексе высказывалось предположение, что юную Матильду выдали замуж за Гербольда, потомственного защитника аббатства Святого Бертена во Фландрии, которому она роди-

ла сына, Гербольда Фламандца, эрла Честера, но позднее эти хартии признали поддельными²².

Возможно, более позднее утверждение, что, «будучи девицей», Матильда «влюбилась в английского графа (эрла)» по имени Брихтрик, чье богатство, по слухам, уступало только состоянию короля Эдуарда Исповедника²³, содержало долю истины. В эпоху Средневековья королевская власть имела мало общего с романтикой. До сравнительно недавнего времени королевские браки заключались, чтобы создать межгосударственный союз. В Средние века брак по любви считался отклонением от нормы, проявлением безответственности и эпатировал общественность. Как заметил великий хронист Вильгельм Мальмсберийский, «королевский сан и любовь сочетались плохо, вместе являя жалкое зрелище».

Бытовало представление, возможно не вполне соответствовавшее действительности, что при сватовстве любовь и свобода выбора могли играть некоторую роль, однако никто не позволял чувствам затмить собой более веские соображения.

Брихтрик правил обширным баронством Глостер (Честью Глостера), огромным феодальным владением, которое включало десятки или даже сотни поместий, принадлежавших крупным магнатам – главным держателям королевского лена. Это был красивый мужчина со снежно-белыми волосами, чье прозвище Meaw в переводе с англосаксонского означало

«снег». Он мог быть немного старше Матильды, поскольку унаследовал Тьюксбери в 1020 году и заверял королевские хартии в 1040-х годах²⁴. Они познакомились, когда король Эдуард отправил Брихтрика посланником ко двору отца Матильды в Брюгге. Очарованная Матильда решила добиться любви англичанина. Это не было сумасбродной или неосуществимой фантазией. В 1051 году тетя Матильды, Юдифь Фландрская, выйдет замуж за Тостига, младшего сына английского эрла Годвина Уэссекского. Брихтрик же превосходил Тостига высотой положения и размером состояния.

Набравшись смелости, Матильда отправила к Брихтрику гонца, вызвала лорда к себе, призналась в своих чувствах и сделала предложение руки и сердца. Но Брихтрик отказал девушке²⁵. К счастью, у нее на примете имелся еще один потенциальный супруг.

Огромное мужество и великие дерзания

Тем временем бароны склоняли к женитьбе блистательного Вильгельма Бастарда, суверенного герцога Нормандии и внучатого племянника Эммы Нормандской¹. Нормандия была великим независимым герцогством, самым могущественным в западном христианском мире, а ее герцог – влиятельным вассалом короля Франции, своего феодального сюзерена, которому присягал и хранил верность. Разумеется, бароны хотели обеспечить безопасность Нормандии и незыблемость правления, поэтому «настоятельно привлекали внимание герцога к необходимости обзавестись потомством и преемником»², давая «противоречивые советы по поводу брачной партии»³. Вильгельм принял решение сам.

Жена благородных кровей высоко ценилась не из-за внешней привлекательности и нрава, а из-за богатства и знатности. Брак, по сути, был контрактом, а принцессы – дипломатическим активом. В XIII веке король Генрих III заявил: «Нет лучшего способа достичь дружбы между правителями, чем брачные узы»⁴. Поэтому династические браки почти всегда заключались с учетом государственных инте-

ресов, обеспечивали преемственность и укрепляли союзы, дабы предотвратить войны и принести благоденствие. «Когда меж правителями расцветает любовь, она осушает горькие слезы подданных», — пелось в злободневной песне XIII века.

Вильгельм подыскивал жену высокого происхождения, которая добавила бы веса его растущему престижу. «Правители дальних земель готовы были отдать ему в жены своих дражайших дочерей»⁵, однако герцог узнал, что у графа Бодуэна есть «дочь Матильда, благородная по крови и духу, славная нежной красотой» и крепкая телом⁶. Современники считали Матильду более знатной, чем Вильгельм⁷. Вероятно, юная девушка разделяла это мнение. Такая невеста могла помочь Вильгельму смыть позорное пятно внебрачного рождения.

Для брака с дочерью графа имелись и другие веские политические причины. Возобновление старого союза с Фландрией, преуспевающей державой, и укрепление связей с королем Франции, дядей Матильды, способствовали росту авторитета и усилению влияния нормандцев в Западной Европе, обеспечивали безопасность границ с Францией на востоке и Фландрией на севере, а также облегчали усмирение подданных, которые создавали проблемы и Бодуэну, и Вильгельму, поднимая мятежи на приграничных территориях.

Испросив совета у своих баронов⁸, Вильгельм отправил

послов к графу Бодуэну просить руки Матильды⁹. Это случилось в 1049 году или раньше¹⁰, когда Матильде исполнилось самое большее восемнадцать лет. Возможно, вопрос о браке обсуждался в мае 1048 года, когда Вильгельм и Бодуэн присутствовали при подписании хартии Генриха I в Санлисе, к северу от Парижа¹¹. Бодуэн давно желал союза с Вильгельмом¹², которого защищал от происков коварных врагов в беспокойные времена, пока молодой герцог не достиг совершеннолетия¹³. Бодуэн стремился наладить более тесные отношения с ближайшими соседями, особенно с Францией, вместе с которой противостоял Священной Римской империи, желая обезопасить спорную территорию и в итоге ослабить власть императора. Как вассал Франции, герцог Вильгельм был обязан поддерживать короля Генриха в борьбе с империей. Поэтому Бодуэн принял нормандских послов с большой любезностью, выразил глубокое удовлетворение предложением брака¹⁴, на который с радостью согласился, посулив богатое приданое¹⁵.

Но если верить истории, изложенной в четырех хрониках XIII века, у своенравной Матильды имелись свои взгляды на брак с герцогом Вильгельмом. Схожий сюжет фигурирует в нормандских¹⁶, французских¹⁷ и фламандских¹⁸ летописях, которые утверждают, что воспитанная в добропорядочной семье, не запятнанной наличием внебрачного потом-

ства, Матильда высокомерно – и публично – заявила, что не желает идти замуж за бастарда¹⁹. Подобная грубость безмерно смутила графа Бодуэна. Он заявил, что дочь, видимо, лишилась рассудка, и пообещал ее образумить. Но переубедить Матильду отцу не удалось. В конце концов графу пришлось отправить к Вильгельму послов с отказом. В эпоху, когда многих высокородных девушек выдавали замуж вопреки их воле, Бодуэн проявил поразительную снисходительность к дочери. Увидев, что отец пошел на попятную, Матильда, без сомнения, решила, что этим дело и кончится. Однако вышло иначе.

Легенда гласит, что в скором времени, когда Матильда возвращалась воскресным утром с мессы в сопровождении придворных дам, ее внезапно настиг разъяренный всадник – отвергнутый искатель ее руки герцог Вильгельм. Утверждается, что Вильгельм подстерег девушку то ли на улицах Брюгге²⁰, то ли во дворе замка Бодуэна в Лилле²¹ и даже затащил свою жертву в ее же спальню. Источники расходятся в указании места, но единодушны в описании самого деяния. «Взбешенный пренебрежением Матильды», Вильгельм схватил ее за длинные волосы, «поколотил, извалял в грязи, испортил ей богатый наряд и ускакал во весь опор», оставив девушку в столь плачевном состоянии, что она слегла²². В «Турской хронике» говорится, что герцог в ярости пустил в ход «кулаки, каблуки и шпоры». Учитывая, что Вильгельм

был настолько силен, что, пустив лошадь галопом, натягивал лук, который никто, кроме него, не мог согнуть²³, избиение отличалось жестокостью.

Граф Бодуэн разгневался. По сведению летописцев, он выбрал дочери в мужья Бернхарда II, герцога Саксонии. Правда, Бернхард уже состоял в браке, так что, вероятно, речь шла о его сыне Ордульфе. Бодуэн стал готовиться к войне. Но перед самым ее началом Матильда преподнесла отцу новый сюрприз. Большинство девушек королевских кровей, несомненно, глубоко оскорбились бы нападением Вильгельма, однако грубый стиль ухажера вызвал удивительную перемену в сердце темпераментной Матильды, которая неожиданно объявила с одра болезни, что изволит выйти замуж за Вильгельма, и ни за кого другого²⁴. Когда изумленный Бодуэн спросил, почему она передумала, Матильда ответила, что прежде не знала герцога так хорошо, как сейчас, и что он, должно быть, человек огромного мужества и великих дерзаний, раз рискнул поколотить ее во дворце родного отца²⁵.

Возможно, во время болезни Матильда размышляла об отказе Брихтрика и пришла к выводу, что брак с более высокородным Вильгельмом, который способен предложить ей гораздо больше, спасет ее репутацию и утешит уязвленную гордость. Или, быть может, Брихтрик отверг ее совсем недавно, и девушка приняла предложение Вильгельма, желая забыть былую любовь.

Отец Матильды пришел в восторг от перемены в ее настроении. Он отозвал назад своих солдат и сообщил жениху, что дочь готова вступить в брак. Вильгельм подтвердил, что его предложение в силе, и переговоры возобновились. На этот раз Матильда выразила безоговорочное согласие. «Его предложение мне по душе»²⁶, – заявила она, и подготовка к свадьбе закипела.

Ученые подвергали сомнению правдивость этой истории, утверждая, что ее позднее сочинили французы, желая опровергнуть нормандских правителей, после того как герцогство перешло к ним в 1204 году. Безусловно, «Турская хроника» являлась враждебным источником, составленным с учетом французских интересов. Однако одно и то же предание фигурирует в трех других летописях, одна из которых написана в Нормандии, а две – во Фландрии. Бодуэн Авенский, автор последней из них, опирался на более древние источники, не дошедшие до наших дней. Возможно, в этой легенде все же есть доля правды.

3

Вильгельм Бастард

Позор внебрачного появления на свет преследовал Вильгельма на протяжении всей жизни. Его мать, Герлева из Фалева, была дочерью кожевника. По слухам, его отец, герцог Роберт Великолепный, заметил, как она стирала одежду в реке. В итоге их встречи примерно в 1027–1028 году родился Вильгельм. Герлева едва не умерла при родах. Пока слуги пытались ее спасти, новорожденного уложили на пол, где он крепко зажал стебель камыша в кулачке. Наблюдавшие предсказали, что малыш вырастет в «могучего мужчину, способного получить все, что пожелает в пределах досягаемости, и готового сильной рукой защищать свои приобретения от всех, кто посмеет на них покуситься»¹.

«Он маленький, но он вырастет», – сказал в 1035 году его отец, отправляясь паломником в Иерусалим и оставляя семи-восьмилетнего Вильгельма, своего единственного сына, временно править Нормандией. В том же году Роберт скончался в Малой Азии по пути домой. Герцог не оставил законного наследника, поэтому его преемником стал Вильгельм.

В отличие от Матильды, Вильгельм пережил бурную молодость. «Все время меня окружали опасности, – вспоминал он на смертном одре. – Меня с детства приучали к ору-

жию»². Многие нормандские феодалы возмущались тем, что бастард носит герцогскую корону. Наставники и опекуны мальчика были убиты, на его жизнь неоднократно покушались, один раз – в его собственной спальне. Но молодой герцог выжил, став тем, с кем приходилось считаться, а его жизнь обросла легендами. «Он был кроток с людьми, любившими Бога, и сверх меры строг к тем, кто отвергал Господа. Он был до крайности суров и вспыльчив, так что никто не смел противиться его воле»³. В 1047 году в возрасте двадцати лет в битве при Валь-эс-Дюн, долине Дюн, Вильгельм показал себя умелым воином, и слава о нем распространилась за рубежи Нормандии. Он не проиграл ни одной битвы, заслужив всеобщее уважение и восхищение – но не любовь – в Нормандии и за ее пределами. Он обладал всеми качествами выдающегося вождя, отличался мужеством и вселял верность в души соратников.

В эпоху, когда средний мужской рост, судя по сохранившимся доспехам, составлял примерно 5 футов 5 дюймов, Вильгельм мог похвастаться ростом в 5 футов 10 дюймов, который рассчитали, изучив его бедренную кость. Исследование также показало, что Вильгельм был наделен силой и развитой мускулатурой⁴. По описаниям современников, Вильгельм имел коренастую фигуру, «свирепое выражение лица», рано поредевшую рыжеватую шевелюру и скрипучий гортанный голос. Когда в 1522 году его гробницу вскрыли,

выяснилось, что тело этого крупного длинноногого и длиннорукого мужчины сохранилось достаточно хорошо, чтобы создать его портрет, который написали на дереве и повесили над гробницей⁵. С портрета на нас смотрит мужчина в одежде начала XVI века, с рыжими волосами и бородой, на удивление похожий на французского короля Франциска I или даже Генриха VIII. Если герцог при жизни выглядел именно так, значит его внешность значительно отличалась от растиражированного традицией образа, например на знаменитом гобелене из Байе со сценами Нормандского завоевания 1066 года, где Вильгельм изображен гладко выбритым и остриженным под горшок.

Вильгельм «был величав и сидя, и стоя», хотя, несмотря на умеренность в еде и питье, все более «выпирающий живот портил его королевскую статью»⁶. Он обладал отменным здоровьем и часто предавался своему любимому увлечению – охоте⁷.

Он был жестким, энергичным и напористым человеком, харизматичным и влиятельным, а также решительным, волевым и алчным. Он не знал жалости, но получил известность как справедливый и благочестивый правитель, которого тем не менее стоило опасаться. Люди боялись его праведного гнева. Превыше всего он ценил верность, питал отвращение к пьянству⁸ и, особенно в ранней юности, «до такой степени чтит целомудрие», что «не смог бы ничего сотворить с жен-

щиной»⁹, вызывая тревогу современников, обеспокоенных проблемами престолонаследия. В отличие от предков-герцогов в четырех поколениях, он не произвел на свет ни одного бастарда¹⁰.

Отношение Вильгельма к морали, вероятно, сложилось в ответ на его шаткое положение незаконнорожденного, которое он находил глубоко постыдным, о чем ясно свидетельствует его жестокое обращение с теми, кто насмехался над обстоятельствами его рождения. Вызывающе подписывая письма как Вильгельм Бастард, герцог не терпел от третьих лиц напоминаний о своем низком происхождении. Когда в Нормандии жители осажденного Алансона развесили на стенах дубленые шкуры в насмешку над ремеслом его деда, а затем город пал под натиском Вильгельма, герцог свирепо отомстил, приказав отрубить кисти и ступни тридцати двум шутникам, и лично присутствовал при наказании.

Вопреки опасениям современников Вильгельм вскоре доказал, что способен зачать детей, хотя, возможно, он давал себе волю только на освященном церковью брачном ложе.

Таков был будущий муж Матильды – непреклонный, суровый и прямодушный.

Величайшее торжество и почести

Но казалось, что браку не суждено состояться. В 1049 году союзник графа Бодуэна, Готфрид, граф Верхней Лотарингии, потерпел поражение в битве со своим сюзереном, «римским» императором Генрихом III. Священная Римская империя представляла собой феодальное государство, охватывавшее современную Германию, прилегающие части Северной Европы и север Италии. Оно появилось в 800 году, когда в Ахенском соборе папа короновал короля франков Карла Великого императором, восстановив былую Римскую империю. С 962 года германские потомки Карла Великого возглавляли империю в непростом союзе с папой римским. Однако короли Германии не титуловали себя императорами Священной Римской империи до 1254 года.

Фландрия также являлась феодалом Священной Римской империи, поэтому Бодуэн был вынужден отправиться в Ахен вместе с Готфридом, чтобы официально заявить о покорности императору, который, очевидно, пылал жадой мести. В октябре того же года на папском соборе в Реймсе протекже и союзник Генриха III, папа-реформатор Лев IX, укрепил авторитет Святого престола, обязав духовенство выполнять обет безбрачия и настаивая на соблюдении норм канонического права в отношении симонии, супружества, родствен-

ных браков и инцеста. На соборе папа запретил графу Бодуэну выдавать дочь замуж за Вильгельма, а Вильгельму – брать Матильду в жены. Церковь не разъяснила причин внезапного запрета, объявив, что подобный брак противоречит каноническому праву. Даже сегодня нам трудно понять мотивы Льва IX.

Нет никаких свидетельств тому, что Матильда ранее заключала с Брихтриком или кем-либо еще брачный контракт, который бы препятствовал ее браку с Вильгельмом, поскольку в те времена предварительный брачный контракт налагал обязательства не менее строгие, чем сам брак. Ордерик Виталий называл Матильду двоюродной сестрой Вильгельма, подразумевая, что пара состояла в кровном родстве запрещенной степени. Это мнение разделяли некоторые хронисты XII века. Относительно природы родства Вильгельма и Матильды высказывалось множество гипотез. Одна из них гласила, что мать Матильды, Адель Французская, до брака с графом Бодуэном, возможно, была женой дяди Вильгельма, герцога Нормандии Ричарда III. Ричард, несомненно, некогда обручался с девушкой по имени Адела (или Аделаиза), но ее личность не установлена, и даже если свадьба состоялась, этот брак не был консумирован.

Другие летописцы утверждали, что Матильда и Вильгельм происходили от викинга по имени Роллон, отвоевавшего у французов Нормандию и ставшего в 911 году ее первым правителем, но доказательств этому нет, а если бы они и были,

столь давние родственные узы не могли препятствовать браку. Еще один источник уверяет, что Вильгельм и Матильда состояли в двоюродном родстве пятой степени, но подобное родство отследить довольно трудно.

Известно, что дед Матильды, Бодуэн IV, после смерти первой жены, матери Бодуэна V, женился на тете Вильгельма, Элеоноре Нормандской, однако подобные родственные связи не были скреплены кровными узами. Этот брак превращал Вильгельма и Матильду в двоюродных родственников первой степени. В то время церковь запрещала браки между двоюродными братьями и сестрами, связанными родством до седьмой степени¹. Однако она также часто разрешала подобные союзы, хотя чем более тесным было родство, тем труднее оказывалось получить разрешение на брак.

Феодалы правители нередко игнорировали эти тонкости, но Вильгельм был набожным сыном церкви, который беззаветно чтит Бога² и снискал расположение духовенства благодаря ярому рвению³ в проведении церковных реформ в Нормандии. Видимо, герцог предвидел наличие препятствий для брака с Матильдой, так как отправил в Реймс группу влиятельных церковников во главе с Ланфранком из Павии, уважаемым настоятелем бенедиктинского аббатства Бек-Эллуэн и будущим архиепископом Кентерберийским, возможно, с целью убедить папу одобрить союз. Вильгельму, с его репутацией реформатора, не пристало заключать

неканонический брак, поскольку любые разногласия по поводу женитьбы могли нанести ущерб наследникам герцога и положению церкви в Нормандии. Большинство нормандских епископов, узнав о запрете папы римского, отнеслись к браку Вильгельма и Матильды враждебно. Надо полагать, поэтому нормандские хронисты, преимущественно монахи, умолчали о папском запрете.

Но если отвлечься от церковной патетики, следует признать, что у Льва IX были веские политические причины противиться браку Вильгельма и Матильды. Лев IX действовал в интересах империи и понимал, что союз Фландрии с Нормандией приведет к созданию сильной антиимперской коалиции. Понтифик знал, что Вильгельм «набирал силу и влияние, превосходя великолепием соседей и выставляя напоказ свой новый образ жизни»⁴. Более того, нормандский искатель приключений Роберт Гвискар недавно завоевал Южную Италию и провозгласил себя ее правителем, что папа римский воспринял как очередную угрозу. Возможно, папский запрет был продиктован политической местью или имел целью заблокировать неблагоприятный для императора союз и сдержать нормандцев.

Без сомнения, Вильгельм знал об истинных мотивах Льва IX. В 1050 году герцог направил в Рим Ланфранка, настоятеля аббатства Бек-Эллуэн, и Жоффруа, епископа Кутанса, испросить у папы римского совета⁵. Ланфранк был одним из самых почитаемых и добросовестных церковных деяте-

лей Нормандии. Вильгельм «чтил его как отца, уважал как учителя и любил как брата или сына»⁶. Ланфранк «не уступал древним в учености и религиозном рвении»⁷, его слава «выдающегося гения и эрудита»⁸ распространилась далеко за пределы герцогства, и даже в Риме о нем отзывались с благоговением. Итог поездки нормандских священников в Рим неизвестен. Высказывалось предположение, что вопрос был быстро решен и понтифика убедили дать разрешение⁹, но другие свидетельства этому противоречат. Представляется более вероятным, что Вильгельм в конце концов пренебрег запретом.

Также звучало мнение, что Вильгельм воспользовался благоприятным шансом и женился на Матильде, когда Лев IX, развязавший войну, чтобы изгнать нормандцев с юга Италии, 15 июня 1053 года попал в плен в битве при Чивитате¹⁰. Разные летописи датируют свадьбу с разницей в шесть лет, указывая, что бракосочетание состоялось в промежутке между 1050 и 1056 годом, причем чаще встречается 1050 год, который почти наверняка является верной датой. Вильгельму на тот момент исполнилось двадцать три, а Матильде – самое большее девятнадцать.

Долгое время утверждалось, что самые ранние упоминания о Матильде как супруге Вильгельма и герцогине Нормандии встречаются в двух хартиях, выданных в 1053 году: одна – аббатству Святой Троицы в Руане¹¹, а другая – бе-

недиктинскому аббатству Святого Иулиана в Туре¹². Однако Матильда, Вильгельм и их старший сын Роберт фигурируют вместе как свидетели двух подлинных хартий, пожалованных аббатству Святого Вандриля и датированных 1051 годом¹³. Не было ничего необычного в том, что высокородные младенцы выступали свидетелями при подписании хартий. Если Вильгельм и Матильда поженились после октября 1049 года или же, скорее всего, в 1050 году, то Роберт, вероятно, родился в 1051-м. Это согласуется с тем, что в 1066 году его называли отроком¹⁴.

С древнейших времен свадьбы правителей служили поводом для больших торжеств. Королевское бракосочетание представлялось событием исключительной важности для всего общества. Преемственность власти заботила всех, так как браки монархов и родовитой знати оказывали прямое влияние на благосостояние народа. Брак воплощал ответственность правителя перед своими подданными за сохранность династии и поддержание чистоты древней, освященной временем родословной.

Внешние атрибуты, блеск и роскошь королевских свадеб были лишь частью общей картины – бархатной перчаткой, скрывавшей железный кулак. Брак порой оказывался церемониальным прикрытием для нечестивого, а иногда жестокого союза. Возраст редко принимался в расчет, поэтому ко-

роль или знатный сеньор мог быть намного старше невесты. Мужчины считали целесообразным брать в жены девушку моложе себя, чтобы ей легче было признать верховенство мужа, которое взрослые женщины принимали менее охотно. Детей обручали и сочетали браком в младенчестве, но церковь разрешала супружеское сожителство мальчикам с четырнадцати лет и девочкам с двенадцати, когда подростки, по всеобщему убеждению, становились способны к половым сношениям. По крайней мере, двум героиням этой книги на момент замужества было двенадцать лет или даже меньше.

Юной принцессе часто предстояло совершить трудное путешествие к своему жениху с мыслью, что она, скорее всего, навсегда распрощалась с родиной и семьей и что свадьба с незнакомцем состоится сразу по прибытии. Независимо от чувств невесты к жениху и его обращения с ней от девушки ожидали, что она без промедления разделит с супругом ложе и произведет на свет детей, продолжив династию. Пожалуй, невеста выступала в роли сакральной жертвы, наподобие закованной в цепи девственницы из сюжетов классической мифологии.

Матильде пришлось проехать более 150 миль до графства Э на восточной границе Нормандии, где должна была состояться свадьба. В тот век путешествие было непростой задачей. «Карет» еще не существовало. Путешественники перемещались верхом, пешком или в повозке. Дамы обычно предпочитали повозки, хотя те не имели ни рессор, ни про-

чих удобств. Женщины также ездили верхом, преодолевая от двадцати до тридцати миль в день. Путешествие Матильды, вероятно, длилось около недели. Отец сопровождал ее «со всеми почестями» «до самого графства Э» вместе с пышной свитой вельмож и знатных дам¹⁵.

Вильгельм, как пылкий жених, прибыл в Э первым в окружении рыцарей, матери Герлевы и отчима Эрлуэна, виконта Контвиля¹⁶. Герцог поселился в замке Э¹⁷ в качестве гостя своего двоюродного брата Роберта, графа Э. Вокруг замка простирались охотничьи угодья, а его окна выходили на реку Брель¹⁸. Здесь Вильгельм принял Матильду и графа Боуэна, которые преподнесли ему богатые дары¹⁹. Несколько дней спустя молодые торжественно сочетались браком либо в соборе Нотр-Дам-д-Э, либо в часовне замка, освященной в честь Пресвятой Девы и сохранившейся до наших дней. Церемония прошла в обстановке строгой секретности²⁰, видимо, чтобы предвосхитить возможные возражения. Папский запрет явно уязвил Вильгельма. «Он взял [Матильду] в жены законно, — подчеркнул капеллан Гийом Жюмьежский, — торжественно, с радостью и ликованием».

В 1476 году в описи драгоценностей, украшений и книг, хранившихся в сокровищнице собора Байе, упоминались две пышные мантии «несравненной красоты», которые, как утверждалось, являлись свадебными одеждами Вильгельма и его невесты. Матильда пошла к алтарю в богатой ман-

тии, расшитой драгоценными камнями. Мантию Вильгельма украшали золотые кресты, цветы, инталии, драгоценные камни и богатая вышивка. На Вильгельме был шлем, также сохранившийся в Байе.

Матильда привезла с собой щедрое приданое. «Отец с радостью передал ее на попечение герцогу Вильгельму вкупе с богатством и роскошной одеждой»²¹. Однако после женитьбы Вильгельм не осчастливил невесту обильными дарами: герцог выделил супруге далеко не самые лучшие земли на Пэи-де-Ко, обширном плато между Ла-Маншем и рекой Сеной.

После церемонии Вильгельм и Матильда возглавили свадебный пир в замке. Застольем традиционно отмечались не только свадьбы, но также великие церковные праздники – Пасха, Троицын день, Рождество – и прочие святые дни. Почетные гости, включая графа Бодуэна с супругой, восседали за высоким, покрытым скатертью столом вместе с герцогской четой. Слуги, перекинув через руку салфетки, подносили молодым кубки с вином. Хлеб к торжеству испекли в виде лепешек, украшенных крестом. Рыбу сервировали на блюдах, а рубленое мясо подавали на вертелах. Каждое кушанье делилось на двоих. Гости использовали ножи, чтобы резать и накалывать пищу, которую ели пальцами, поэтому руки мыли до и после еды. Вилки еще не вошли в обиход. Менестрели, трубадуры, жонглеры и ряженные развлекали гостей. Дураки и шуты отпускали остроты, и, возможно,

пир чередовался с танцами. Затем гости торжественно сопровождали жениха и невесту на брачное ложе, которое благословил священник, и все разошлись, дабы не мешать молодым исполнить династический долг. Публичный характер постельной церемонии отражал общепринятое убеждение в том, что проблема появления на свет венценосных наследников входит в сферу законных общественных интересов.

Когда торжества закончились и гости разъехались, Вильгельм «с торжественными церемониями и почестями»²² сопровождал молодую жену и ее отца в Руан, столицу Нормандии. Это был «густонаселенный, богатый, переполненный купцами город, где пересекалось множество торговых путей, – славный город, расположенный среди говорливых ручьев и ласковых лугов, изобилующий плодами, рыбой и всевозможными товарами». Он стоял, «обнесенный прочными стенами, крепостными валами и зубчатыми укреплениями, в окружении холмов и лесов, а его дворцы, дома и церкви радовали глаз»²³.

Супруги торжественно въехали в город, чтобы подданные Вильгельма смогли увидеть молодую герцогиню и предаться «неописуемой радости по случаю ее появления»²⁴. Празднества длились две недели. Все это время чета молодоженов проживала в герцогском замке X века, увенчанном каменной Руанской башней, изображенной на гобелене из Байе

и разрушенной в 1204 году. Из окон замка молодая герцогиня могла любоваться «красотой страны», раскинувшегося к югу «прекрасного охотничьего края, поросшего лесом и наводненного диким зверем», а также богатой рыбой рекой Сеной, что плескалась у городских стен и ежедневно несла «корабли, груженные товарами разных стран». С противоположной стороны к замку примыкал «славный многолюдный город с крепостными стенами, церквями и зданиями, который с древнейших времен по праву господствовал над всей Нормандией»²⁵.

Родители Матильды со свитой вскоре отбыли во Фландрию, и Вильгельм устроил молодой жене неторопливую поездку по герцогству. Подданные встречали Матильду с большим воодушевлением и оказывали знаки любви. Она стала первой герцогиней Нормандии за пятьдесят лет (несколько предшественников Вильгельма жили с метрессами), и ее принимали очень тепло. Матильде выделили дом с хозяйством, которым ведали камергеры²⁶. Она не испытывала недостатка в пище для ума, поскольку при дворе герцога всегда привечали «известных мужей, обладавших солидными знаниями и преуспевших в грамоте»²⁷.

Вскоре Матильде предстояло дать народу еще один повод для радости. Не прошло много времени, как Вильгельм потребовал от баронов принести клятву верности не только себе, но и своему нерожденному наследнику²⁸.

Блистательное потомство

Матильде исполнилось не более девятнадцати лет, когда она вышла замуж, являя собой «исключительный образчик благоразумия» и «совершенство добродетели»¹. Молодая герцогиня славилась «чистотой ума и безупречными манерами даже больше, чем знатным происхождением». Впитав благочестие праведной матери, Матильда «сочетала красоту и изысканное воспитание со всеми достоинствами христианской святости»². Она была «пригожа лицом и благородна сердцем»³.

Таких похвал удостаивались все венценосные дамы, которые вели добродетельную, непорочную жизнь. Летописцы-монахи обычно язвительно отзывались о тех, кто сбивался с пути или пренебрегал условностями, поэтому нет причин не доверять их словам о Матильде, хотя имеются и другие свидетельства, указывающие на бойкий и волевой нрав герцогини. Все единодушно превозносили красоту Матильды, чего опять же следовало ожидать, поскольку она была королевских кровей. Знатное происхождение обеспечило ей статус «прекраснейшей» из сверстниц⁴. Если в адрес венценосной дамы лесть не лилась рекой, это явным образом намекало на наличие внешних изъянов. Однако все очевид-

цы подчеркивали красоту и грацию⁵ Матильды, «изящество [ее] телосложения» и успехи в «женских искусствах». Она «отличалась красотой лица, благородным происхождением, ученостью, прекрасным нравом и – что всегда достойно высочайшей похвалы – крепкой верой и горячей любовью ко Христу»⁶. Одним словом, она была «непревзойденным образцом мудрости и скромности»⁷.

У нас нет описания того, как на самом деле выглядела Матильда. Такое случалось нередко, ведь летописцы-монахи почти не уделяли внимания деталям внешности, что породило ряд ошибочных представлений. Известно, что Матильда заказала настенные росписи с изображением себя, Вильгельма, а также сыновей Роберта и Вильгельма Руфуса для часовни Святого Стефана в аббатстве Святой Троицы, которое она основала в Кане. Часовню снесли в 1700 году, но бенедиктинский монах Бернар де Монфокон успел снять с фресок копии⁸. На них обычно ссылаются как на подлинные прижизненные изображения, хотя они больше похожи на работы XIII века, особенно если присмотреться к коронам. В любом случае на портретное сходство не претендовали даже оригиналы. На копии фрески Матильда изображена с короной на голове, темными волосами до плеч, прямым пробором, длинным носом и вытянутым овалом лица. Гравюра Викторианской эпохи, выполненная с опорой на копию фрески, послужила фронтисписом к первому тому кни-

ги Агнес Стрикленд «Жизнь английских королей», однако художник Генри Колберн сделал Матильду и большинство средневековых королей серии похожими на королеву Викторию, которой посвящались книги. На основании этих сведений мы не можем уверенно утверждать, что Матильда была темноволосой и худощавой.

Существовало предположение, что Матильда была миниатюрного роста. Долгое время утверждалось, что ее рост составлял всего пятьдесят дюймов, или сто двадцать семь сантиметров. Эта оценка основывалась на исследованиях доктора Доминела, хирурга из Кана, который в 1819 году изучал кости Матильды, прежде чем их поместили в свинцовый ящик и запечатали. Но в 1959 году⁹ останки Матильды изучили повторно с использованием современных антропологических тестов. В распоряжении ученых не оказалось черепа и многих других костей, но, судя по большеберцовой и бедренной костям, рост Матильды, если кости действительно принадлежали ей, равнялся пяти футам¹⁰. Не так уж и мало с учетом того, что средний рост мужчины в те времена не превышал пяти футов и пяти дюймов. Идентифицировать останки должным образом было невозможно из-за осквернения гробницы и близлежащих захоронений в XVI веке. Не исключено, что не все кости, предоставленные аббатисой Анной де Монморанси, принадлежали Матильде¹¹. Согласно реконструкции, Матильда обладала широким та-

зом. Это объясняет, как ей удалось подарить Вильгельму десятирых детей, чего, вероятно, она не смогла бы сделать, будучи около четырех футов ростом¹².

Матильда не пользовалась противозачаточными средствами. Как все знатные дамы, она была обязана производить на свет наследников мужского пола, чтобы обеспечить герцогскую, а впоследствии – королевскую преемственность и снабдить армию мужа полководцами на время войны. Дочерей же выдавали замуж за выгодных союзников. Многодетные семьи не были редкостью. Роды случались почти ежегодно, как вскоре обнаружила Матильда. Младенческая смертность была высока, и многим матерям пришлось пережить горе, потеряв по меньшей мере одного ребенка. Из девятиста трех детей, родившихся у пятнадцати из двадцати средневековых королей Англии, в раннем возрасте умерли двадцать семь, то есть почти треть. Это печальное свидетельство рокового отсутствия во времена Средневековья надлежащих знаний в области родоразрешения, недостаточной гигиены и плохого ухода за младенцами, а также трагических последствий, которые возникали, если ребенок подхватывал инфекцию в эпоху до открытия антибиотиков.

На самом деле умерших младенцев могло быть и больше, так как их смерть не всегда фиксировалась в письменных источниках, даже если речь шла о детях самого короля. Даты рождения королевских отпрысков часто приходится высчи-

тывать на основании косвенных данных, поскольку их тоже не всегда записывали. Так произошло с тремя из пяти героинь этой книги. Историки могут высказывать лишь обоснованные предположения относительно этих дат, принимая во внимание дату вступления родителей в брак, если она известна, возраст старших братьев и сестер и прочие факторы.

Чтобы произвести на свет как можно больше потомков, переживших юный возраст, высокородные дамы не кормили младенцев грудью. Достоин внимания пример Иды Лотарингской, бабушки Матильды Булонской, которая настаивала на том, чтобы самой кормить грудью своих детей из опасения, что с чужим молоком в их сознание проникнет дурная мораль¹³. Считалось, что с грудным молоком дети впитывают нравственность.

Матильда «принесла своему выдающемуся супругу желанных отпрысков: и сыновей, и дочерей»¹⁴. Вероятно, все представители «блистательного потомства»¹⁵, кроме одного, родились в Нормандии, но сведений о том, когда именно они родились, крайне мало. Те, кто появился на свет во время действия папского запрета, были с точки зрения церкви незаконнорожденными, как и сам Вильгельм. Летописцы об этом умалчивают, но, возможно, двусмысленный статус бросал тень на репутацию детей герцога¹⁶.

Старшего сына и наследника, которому вассалы Вильгельма по настоянию герцога присягнули на верность, пока мла-

денец еще находился в утробе матери, назвали Робертом в честь отца Вильгельма и деда Матильды, короля Франции Роберта II. Юный Роберт фигурирует в документах, датированных 1054 и 1063 годами, как наследник Вильгельма и Матильды. В последнем документе он упомянут как «Роберт, их сын, которого они выбрали править страной после своей смерти»¹⁷. Содержание документа свидетельствует о том, что Матильда уже принимала деятельное участие в управлении герцогством.

Второму сыну Вильгельма и Матильды дали имя Ричард в честь трех предыдущих герцогов Нормандии. Его эпитафия сообщает, что он был герцогом Берне в Нормандии, но ни один письменный источник той эпохи так Ричарда не титулует¹⁸. Ричард упоминается как свидетель подписания хартий начиная с 1067 года. Гийом Жюмьежский датирует рождение Ричарда примерно 1055 годом, но самая поздняя из возможных дат, когда он мог родиться, – это 1059 год¹⁹.

Третий сын, по имени Вильгельм, позже прозванный Руфусом, или Рыжим, из-за румяного лица, рыжей бороды и вспыльчивого характера, родился незадолго до августа 1060 года. На момент смерти в августе 1100 года он переступил порог сорокалетия²⁰. Вильгельм Руфус больше всех походил на отца и тезку и потому был любимцем герцога.

Похоже, что Вильгельм выбирал имена сыновьям, а Матильда – дочерям. Матильда гордилась тем, что вела свою

родословную от французских королей²¹. Ее гордость отражена в именах, которыми она нарекла дочерей, и в подписи на хартиях, где она обозначала себя «дочерью Бодуэна, герцога Фламандского» и «племянницей Генриха, самого прославленного короля Франции»²². Констанцию называли в честь бабушки Матильды, французской королевы Констанции Арльской²³, Адель – в честь матери Матильды, принцессы Франции, а Матильду-младшую – в честь самой Матильды Фландрской. Аделизу (Аделиду или Аделаиду – сейчас эти имена взаимозаменяемы), возможно, называли в честь Аделаиды Аквитанской, супруги короля Франции Гуго Капета; мать королевы Аделаиды, Адель, была дочерью Роллона Нормандского.

По поводу количества дочерей и их имен было много споров. Ордерик Виталий в разных книгах «Церковной истории» привел два списка. Аделиза, Констанция, Сесилия и Адель фигурируют в обоих списках, но Агата появляется только в более позднем. Вильгельм Мальмсберийский перечислил пять дочерей: Сесилию, Констанцию, Адель и еще двух, чьих имен не знал наверняка. Гийом Жюмьежский и более поздний летописец Роберт де Торины утверждали, что дочерей было четыре. На самом деле их, вероятно, было шесть.

Ни один из этих летописцев не упоминает дочь по име-

ни Матильда. В 1086–1087 годах по приказу Вильгельма Завоевателя в Англии провели поземельную перепись, в результате которой все землевладения королевства и их стоимость были занесены в так называемую «Книгу Страшного суда». Дочь короля Матильда упомянута в «Книге Страшного суда»²⁴, а также в молитвенном свитке, составленном для ее сестры Сесилии в июне 1112 года монахинями аббатства Святой Троицы в Кане. Свиток содержит предписание совершать молитвы за королеву Матильду и покойных сестер Сесилии – Адилидис (Аделизу), Констанцию и Матильду²⁵.

Высказывалось предположение, что младшая Матильда вышла замуж за крупного нормандского феодала Вальтера д'Энкура²⁶, чью жену как раз звали Матильда. Надпись на могиле их сына Вильгельма в соборе Линкольна гласила, что он происходил из «королевского рода» и приходился родственником Ремигию де Фекану, епископу Линкольна, который также состоял в родстве с Вильгельмом Завоевателем²⁷. Вильгельм пожаловал Вальтеру д'Энкуру не менее пятидесяти пяти владений в Линкольншире, Йоркшире и других графствах. Вальтер и Матильда были благодетелями аббатства Святой Марии в Йорке. В Йоркском соборе находится могила Вальтера. Согласно эпитафии в соборе Линкольна, их сын Вильгельм «жил на попечении» при дворе короля Вильгельма II и умер в 1092 году, когда собор был освящен, или же позднее. Эти обстоятельства, а также тот факт,

что несколько потомков Вальтера и Матильды носили имена Вильгельм или Матильда, породили теорию, отождествлявшую мать Вильгельма д'Энкура с Матильдой Нормандской²⁸.

Согласно молитвенному свитку, где три сестры перечислены в хронологическом порядке, Аделиза была старшей дочерью, родившейся в 1052 году или позже и названной в честь матери Матильды. Все сходятся на том, что Констанция была второй дочерью, родившейся в 1053–1055 годах. Восстановить порядок появления на свет остальных дочерей невозможно. Сесилия и Агата, вероятно, родились вслед за Констанцией. В июне 1066 года Сесилии могло быть от десяти до двенадцати лет, так что родилась она примерно в 1054–1056 годах. В 1068 году Агате исполнилось по меньшей мере двенадцать, значит она родилась самое позднее в 1056 году. Адель – самая младшая из сестер на основании трех источников – родилась в 1066–1067 годах. Как в эту последовательность вписывается Матильда-младшая – неизвестно.

Аделиза была «очень красива. Достигнув брачного возраста, она благочестиво посвятила себя Богу и приняла монашеский обет под опекой верного кузена и вассала отца Рожера де Бомона, славного своей мудростью»²⁹. Скорее всего, Аделиза умерла до кончины своего опекуна в ноябре 1094 года. Согласно церковному канону, вступить в брак или принять послушание дозволялось не раньше двенадцати лет. Если Аделиза являлась старшей дочерью, то она родилась в

1052 году или позже и могла удалиться в монастырь не ранее 1064 года.

Вероятно, Аделизу отдали под опеку Рожера де Бомона, потому что она приняла монашеский обет в аббатстве Святого Леодегара (Сен-Леже-де-Пре). Аббатство основал в 1050 году отец де Бомона, и Рожер де Бомон покровительствовал обители. Возможно, там Аделиза и была похоронена³⁰, хотя звучали предположения, что ее могила находилась в аббатстве Святой Троицы в Кане или, что менее достоверно, в соборе Байе³¹. Аббатство возглавила родная дочь Рожера, Обри, там же состояла монахиней Матильда, первая настоятельница будущего детища королевы Матильды – аббатства Святой Троицы в Кане. В молитвенном свитке аббатисы Матильды за 1112 год упоминаются Аделина, настоятельница приората Святого Леодегара, и Аделиза, тамошняя монахиня; любая из них могла быть усопшей дочерью Вильгельма и Матильды³².

Аделиза почти наверняка была той самой монахиней королевских кровей по имени Аделаида, которая примерно в 1071–1072 годах написала Ансельму из Аосты, аббату Бек-Эллуэна, а с 1093 года – архиепископу Кентерберийскому, письмо с просьбой прислать ей несколько стихотворений из его труда «Цветы псалмов», ныне утраченного. Ансельм отобрал несколько произведений и отправил ей в ответ, сопроводив молитвами и наставлениями: «Пусть возвышенный ум

презрит все, от чего должно отказаться, даже если оно у нас есть; и да устремится смиренный ум к тому единственному, чего нет, но что во славу Господа следует сохранять вечно»³³.

Аделиза была достаточно взрослой, чтобы понять свои устремления, учитывая, что она родилась в начале 1050-х годов. Приведенный выше отрывок намекает на то, что, несмотря на всю свою набожность, Аделиза по-прежнему наслаждалась богатством и мирскими сокровищами, не готовая пожертвовать ими ради благочестивой жизни. Поэтому Ансельм увещевал ее искать любви Божьей. Тем не менее Аделиза, очевидно, сама решила принять монашеский обет, а не покорила воле родителей посвятить дочь Богу, как произошло с ее сестрой Сесилией. Видимо, Аделизе удалось преодолеть мирские искушения, поскольку «мозоли, обнаруженные после смерти у нее на коленях, свидетельствовали о непрестанной молитве»³⁴.

Некоторые историки до сих пор утверждают, что у Матильды была еще одна дочь. Приорат Саутовер, ныне Льюис, в Суссексе был основан Вильгельмом де Варенном, первым эрлом Суррея, и его женой-фламандкой Гундрадой, или Гундред, в 1078–1082 годах. В документе, претендующем на роль уставной хартии, упоминается, что де Варенн учредил приорат во здравие «королевы Матильды, матери своей жены». Надпись на могиле Гундрады, датируемая XII веком, сообщает, что усопшая была «славным потомком герцогов и

знатной особой». Предание позднего Средневековья, которое до Реформации распространяли монахи приората, гласило, что Вильгельм Завоеватель и Матильда были родителями Гундрады или же что Матильда была ее матерью³⁵. В 1846 году историк Томас Степлтон утверждал, что до брака с Вильгельмом Нормандским Матильда вышла замуж за Гербольда, потомственного защитника аббатства Святого Бертена в Сент-Омере, и родила от него Гундраду и двух сыновей: Гербольда Фламандца, эрла Честера, и Фредерика из Остерцеле-Шельдевиндеке. Предположительно, поэтому папа римский запретил брак Матильды с Вильгельмом в 1049 году³⁶.

Гундрада действительно была сестрой Гербольда³⁷, которого источники именуют «братом графини Гундред»³⁸, но ее родство с Фредериком основано исключительно на домыслах³⁹. Давно доказано, что так называемая уставная хартия, якобы выданная де Варенном, датируется XV веком и, видимо, является подделкой. В подлинной хартии нет упоминаний о родстве Гундрады с Вильгельмом Завоевателем и Матильдой. Матильда никак не могла быть замужем за Гербольдом до брака с Вильгельмом, поскольку во многих источниках названа девицей. Матильда была знакома с Гундрадой, своей соотечественницей, и подарила ей поместье¹ Карлтон

¹ Здесь и далее под «поместьем» подразумевается манор (а маног) – основная хозяйственная единица и форма организации частной юрисдикции в средневе-

в Кембриджшире⁴⁰, но никто из современников не сообщает об их родстве.

Легенда, зародившаяся в XV веке в Льюисе, вероятно, возникла в результате преднамеренной фальсификации документов⁴¹. Будь Гундрада дочерью Вильгельма Завоевателя, в эпитафии ее наверняка назвали бы потомком короля; будь она дочерью Матильды, ее бы не назвали «потомком герцогов». Убедительное доказательство того, что Гундрада не была дочерью Вильгельма и Матильды, содержит письмо Ансельма из Аосты, архиепископа Кентерберийского, адресованное их сыну Генриху I, в котором Ансельм отказывается узаконить брак сына Гундрады, Вильгельма де Варенна, второго эрла Суррея, с дочерью короля Англии, ссылаясь на кровное родство четвертой степени с одной стороны и шестой степени – с другой. Приходись Гундрада Генриху I сводной сестрой, их посчитали бы родственниками первой степени⁴².

То было время высокой детской смертности, однако у нас нет записей о том, что кто-то из детей Матильды умер при рождении или в младенчестве. Это кажется примечательным, если только потерю младенца не обошли молчанием. Тем не менее каждого из детей Матильды «в свое время преследовали несчастья»⁴³.

О материнских качествах Матильды утверждается, что она «походила на Марфу трогательной заботой»⁴⁴ о детях, к которым относилась очень трепетно⁴⁵. Факты свидетельствуют, что Матильда сама занималась воспитанием детей в их ранние годы, а возможно, и дольше. Роберт, например, оставался при матери большую часть детства и юности.

6

Самые нежные чувства

Вильгельм гордился семьей и Матильдой, чье «почтительное отношение к мужу и плодovitость пробудили в нем самые нежные чувства»¹. Этого следовало ожидать, ведь преемственность нормандских правителей в скором времени оказалась надежно обеспечена. У Вильгельма и Матильды был истинно партнерский брак. На протяжении всей супружеской жизни Матильда, подражая королевам Франции², вместе с Вильгельмом управляла двором и заверяла документы, засвидетельствовав не менее сотни хартий, изданных до 1066 года, – гораздо больше, чем прочие подписанты³. Вильгельм всецело полагался на жену в свое отсутствие. Она также председательствовала вместе с супругом в суде при рассмотрении исков.

Гармония между герцогом и герцогиней, по-видимому, установилась с самого начала их отношений. Когда незнакомые люди вступали в брак, ожидалось, что любовь между супругами расцветет после свадьбы, ведь долг жены – любить своего мужа. Некоторым венценосным парам действительно посчастливилось полюбить друг друга, а кто-то категорически не сошелся характерами, что привело к катастрофическим последствиям. Многие просто пытались извлечь из

брака максимум выгоды. В случае Вильгельма и Матильды любовь, похоже, действительно расцвела.

Вопреки обычаям, характерным для эпохи договорных браков, и невзирая на распущенность, которую демонстрировали его предки, Вильгельм «в течение многих лет вел себя так мудро, что его ни разу не заподозрили в каких-либо преступных связях»⁴. «Он знал, что брачные обеты священны, и чтит их святость»⁵. Короли и представители знати позволяли себе нарушать супружескую верность, но Вильгельм в 1079 году открыто заявил, что «верен и предан своей любви», назвав Матильду «той, кого любил как родную душу». Матильда, в свою очередь, хранила верность и преданность супругу⁶, в чем Вильгельму повезло, поскольку ее измена могла поставить под угрозу не только ее честь, но и родословную наследников, именно поэтому супружеская неверность считалась для женщины тяжким грехом. Матильда оставалась – за исключением одного-единственного примечательного случая – верной, чуткой женой и помощницей на протяжении всей супружеской жизни. Она, несомненно, пользовалась доверием Вильгельма и была посвящена в его тайны. Вильгельм со временем все больше полагался на ее здравый смысл и мудрость. Влияние Матильды на супруга было весьма значительным.

Есть веские доказательства того, что Матильда любила Вильгельма. Находясь незадолго до 1066 года в Шербуре, в

возрасте тридцати восьми лет, то есть будучи по меньшей мере на четыре года старше жены, Вильгельм заболел так тяжело, «что его сочли безнадежным, уложили на землю, словно умирающего, и он передал церковным каноникам мощи святых и реликвии, которые хранил в своей молельне». Реликвии – части тела, одежды или памятные вещи святых – были объектами почитания и важной частью культа, придавая особую святость храмам и церковным зданиям. На землю или на ложе из пепла обычно укладывали умирающего в знак покаяния. Лежа на земле, Вильгельм поклялся, что, «если Бог и святая Мария его исцелят», он выстроит при соборе Кутанса дом каноников⁷.

Матильда пришла в отчаяние. Она приехала в Кутанс, который находился в семидесяти пяти милях к югу от Шербура, и поднесла к алтарю собора 100 шиллингов, молясь, «чтобы Бог и святая Мария вернули ей дражайшего мужа». Священники были поражены, увидев ее разметавшиеся в беспорядке волосы – символ покаяния и тяжелой утраты, а также, вероятно, свидетельство ее страданий. Когда Вильгельм выздоровел, «она с радостью помогла ему восстановить церковь» и возвести рядом с замком в Кутансе еще одну. Выданные супружеской четой хартии засвидетельствовали их сыновья, Роберт и Ричард⁸.

Если между супругами и происходили ожесточенные споры и стычки, так как оба были горды, своенравны и обладали сильным, незаурядным характером, записей об этом не

сохранилось⁹. Однако некоторым авторам из числа монахов, похоже, нравилось пересказывать истории о грубом обращении Вильгельма с женой. Один источник XIII века утверждал, что Вильгельм ударил Матильду в грудь шпорой и та впоследствии скончалась от раны¹⁰. Подобный сюжет явно не соответствовал действительности, хотя избивание жен было в Средние века обычным делом и считалось вполне совместимым с представлениями о супружеской любви. Усердие мужчины, который наставлял заблудшую жену на путь истинный, признавалось даже похвальным. Сама церковь одобряла такое наказание, хотя в XII веке были ограничены размеры палки, которую муж мог использовать в воспитательных целях.

Матильда провела большую часть супружеской жизни в замках или дворцах, где домашний быт отличался размахом и роскошью. Иногда ей приходилось останавливаться в более скромных зданиях, таких как особняки и охотничьи дома. Замки не только предоставляли защиту, но и располагали великолепными королевскими покоями. Перечень скудного, хоть и драгоценного имущества, который короли и королевы включали в завещание, свидетельствовал о том, что при нормандах общество потребления еще не сложилось. На фоне беспокойной жизни материальные блага отходили на второй план, превыше всего ценилась безопасность. Тем не менее нормандские королевы жили в мире, где царили красота

и роскошь, а обстановка отличалась богатством и сочными красками. Такие блага не только делали жизнь приятной, но также говорили о состоянии, могуществе и статусе их обладателя¹¹.

При этом даже самым высокопоставленным особам редко удавалось сохранить личную жизнь в тайне и побыть в уединении. Жизнь в замке напоминала общинную. Ее средоточием был зал, где королева одна или вместе с королем занималась государственными делами, управляла двором, возглавляла трапезы и восседала на пирах. Столы на козлах ставились и убирались по мере необходимости. Внешний вид нормандского зала был прост – просторное помещение с высоким потолком. Самое раннее упоминание о перегородке, скрывавшей проход в конце зала напротив тронного возвышения, относится только к XIV веку. Шерстяные или матерчатые ковры с вышивкой, или гобелены, украшали стены. Древнее ремесло изготовления гобеленов возродилось в XI веке в Пуатье и быстро завоевало популярность. Ранние образцы изображали королей, императоров, святых, библейских персонажей, животных и цветы и по сравнению с более поздними изделиями выглядели грубовато.

Слуги часто спали на тюфяках в тех же комнатах, где выполняли свои обязанности. Многие спали в зале, устроившись поближе к очагу, в то время как охотничьи собаки искали объедки среди камыша, которым был устлан пол. Камыш иногда посыпали ароматными травами, чтобы замаски-

ровать вонь гниющей пищи и собачьей мочи. В залах стоял дым и царила духота. Дым очага уходил через расположенную на крыше башенку с отверстиями (*louvre*).

У королевы, как и у короля, имелся собственный кабинет¹². Члены королевской семьи жили в самых удобных и хорошо обставленных комнатах в замке. Если такая комната располагалась за залом на втором этаже, ее иногда называли «светлой, солнечной» (*solar*). В личных покоях члены королевской семьи наслаждались относительным уединением. Там обычно было довольно темно. Свет поступал через бойницы или узкие окна. Его недостаток восполняли факелы, крепившиеся к стенам, масляные лампы или свечи, вставленные в подвесные люстры, настенные канделябры или подсвечники. Ни одного королевского подсвечника тех времен не сохранилось. Известно, что они были искусно украшены, как, например, золотой Глостерский подсвечник, датируемый 1107–1113 годами¹³. Даже в королевских резиденциях стекло использовалось редко. Окна закрывали промасленной парусиной, холстом, деревянными ставнями или устанавливали на них решетки. Плохая освещенность – серьезная помеха для чтения или вышивания – была одной из причин, по которой рядом с окнами к стенам пристраивали сиденья.

В личном кабинете, где королева проводила большую часть времени, стены покрывались так называемой парижской штукатуркой, или гипсом, расписывались фресками,

возможно, драпировались гобеленами или раскрашенными тканями. Мебель, обычно деревянная, состояла из кроватей, кресел, табуреток, скамеек, посудных шкафов и столов.

За первым помещением иногда находились одна или несколько отдельных комнат, следующих друг за другом. Последней и самой уединенной была опочивальня. На ее стенах висели ковры, а кровать имела балдахин «для защиты от мух и пауков». Нет никаких сведений о том, как до правления Генриха III (1216–1272) выглядела королевская кровать, но у кровати нормандских королей, скорее всего, имелся балдахин и полог, чтобы оградить спящих от посторонних глаз и уберечь от сквозняков.

Помимо кровати, в спальне обычно можно было увидеть кресло, скамью и табуретки, стоявшие рядом с ложем, а также сундук и насест для ястреба. Одежда висела на шестах или деревянных колышках, а нательное белье хранилось в сундуках¹⁴. На кровать клали пуховый матрас с валиком, на него – стеганое полосатое покрывало, затем – подушки. Королевы, вероятно, спали на простынях из муслина или чистого льна, укрывшись тканевым или шерстяным одеялом, подбитым мехом, – необходимая мера, поскольку было принято спать без одежды. Так, ряд иллюстраций к рукописям изображает обнаженных короля с королевой, которые возлежат в постели, надев на головы только короны.

У нас есть редкое описание королевской опочивальни, датируемое 1107 годом. Спальня принадлежала Адели, дочери

Вильгельма и Матильды, и представляла собой прекрасный зал, украшенный гобеленами из шерсти, шелка, золотых и серебряных нитей. Одну стену покрывали ковры со сценами Сотворения мира, грехопадения Адама и Евы, убийства Авеля Каином и Всемирного потопа, вторую – с сюжетами из ветхозаветной истории от Ноя до Соломона, третью – с фигурами греческих богов и мифических героев, четвертую – с портретами древнеримских царей. В изголовье кровати висело изображение завоевания Англии.

Потолок был ярко расписан в виде неба со звездами, планетами и знаками зодиака, а на полу красовалась карта мира, каким его представляли тогда, с Азией, Европой и Африкой, а также морями, реками, горами и городами. Кровать Адели украшали три группы аллегорических статуй. В головах поместили философию и точные науки, или квадравиум: музыку, арифметику, астрономию и геометрию; в изножье – тривиум: риторику, логику и грамматику. Третью группу представляли статуи Галена и Гиппократы, отцов медицины, с четырьмя жидкостями: кровью, желтой желчью, черной желчью и флегмой, которые традиция связывала с четырьмя стихиями, временами года и различными болезнями¹⁵.

В убранстве комнаты нашли свое отражение интеллектуальные и духовные интересы Адели, пестуемые ее родителями, которые, вероятно, обладали не менее роскошными покоем. Сегодня, когда королевские резиденции дошли до нас в виде руин или голых каменных стен, трудно вообразить

насыщенные цвета древних фресок, драпировок или превосходное качество мебели.

Часовня была неотъемлемой частью нормандского королевского двора. В ней королевские капелланы служили мессы для короля, королевы и их свиты, а также совершали церковные обряды. В королевских часовнях, как, например, в часовне Иоанна Богослова в лондонском Тауэре, которая является собой великолепный образец нормандской, или романской, архитектуры, на возвышении, обращенном к главному алтарю, иногда устанавливали трон для короля или королевы.

В замках бывало промозгло и гуляли сквозняки. Истопники за плату поддерживали огонь в очагах и жаровнях, но делать это разрешалось только в период между Михайловым днем и Пасхой. После Пасхального воскресенья, независимо от погоды, очаги, находившиеся тогда в центре комнат, украшали цветами и зеленым камышом¹⁶.

Отхожие места в те времена традиционно назывались уборными (garderobes). Их встраивали в толщу стен и оборудовали деревянными сиденьями. Отходы сбрасывались по желобу в ров, канаву или выгребную яму, расположенную внизу. В личных покоях обычно уборная имелась. В покоях королевы в стене часто вырубали нишу для свечи с тазом или рукомойником, который называли умывальником (laver).

Воду брали из колодцев, имевшихся в большинстве замков, или из ручьев, рек и прудов. Королева принимала ванну

в деревянной лохани, которую готовили для нее служанки, выкладывая изнутри губками и тканью. Когда король принимал ванну, кувшинник (ewerer), отвечавший за приготовление и подачу воды и белья, получал четыре пенни, за исключением дней великих праздников. Видимо, члены королевской семьи принимали ванну регулярно, хотя мы не знаем, как часто. В начале XII века король Иоанн принимал ванну восемь раз в год. За чистоту белья отвечала прачка, которая ведала бельем короля¹⁷ и, вероятно, королевы.

В эпоху нормандцев день начинался рано, около пяти часов утра, а спать обычно ложились к девяти вечера. В начале XII века при дворе Генриха I утренние часы посвящались государственным делам и разрешению споров, послеобеденное время отводилось для полуденного сна, а вторая половина дня проходила в забавах на открытом воздухе, отдыхе и «шумном веселье»¹⁸. Когда королева не была занята хозяйственными или государственными делами, она шила или вышивала в компании придворных дам. Возможно, она играла в шахматы, которые появились в Англии в начале XI века. В королевских покоях также играли в кости и нарды. До нас дошло очень мало музыкальных произведений нормандского периода, но известно, что музыка звучала во дворцах и замках, о чем свидетельствуют миниатюры. На них изображены различные инструменты, включая рожки, трубы, арфы, органы, виолы и тарелки. Музыка, иногда полифоническая, несомненно, исполнялась также в церкви, являясь ча-

стью богослужения.

Управляющий, главные распорядители кладовой и хлеба, главный виночерпий (Master Butler) и стольник (pantler) отвечали за снабжение королевского двора провизией и вином. Работа на королевской кухне распределялась между большим числом лиц, занимавших особые должности. На кухне трудились повара, поварята, смотрители, например смотрители за обжаркой, с помощниками, а также забойщики и заведующие кухней, которые принимали припасы, в том числе дичь из королевских парков. У личных слуг короля был отдельный повар. В буфетной четыре пекаря следили за тем, чтобы при дворе не иссякал запас хлебных ковриг, «превосходных симнелей» и «соленых симнелей». Симнелями назывались заварные булочки из муки тончайшего помола. В XII веке существовало около двадцати различных сортов хлебной выпечки, но только представители знати употребляли в пищу булки из белой муки высшего сорта и пшеничный хлеб. Еду при нормандском дворе подавали дважды в день: в девять-десять утра – обед и в пять-шесть часов вечера – ужин. Для тех, у кого разыгрался аппетит, еда была доступна и в другое время. В Великий пост и прочие дни говения мясо заменяли рыбой, вот почему во многих королевских резиденциях имелись рыбные пруды, а мельники выплачивали подати углями.

Нормандцы наслаждались разнообразным и изысканным рационом, находя пищу, которую знала саксонская Англия

до завоевания 1066 года, слишком простой. Главные повара в нормандских домах держали мельницу для перца и шкафчик для ароматных специй. Заморские товары стоили дорого, поэтому их хранили взаперти. Нормандцы ели много мяса, дичи и домашней птицы, пекли мясные пироги, а в постные дни также рыбу, часто маринованную, и сыр. Из растительной пищи к столу шли капуста, чечевица, горох, лущенные бобы, просо и лук. Любимыми напитками были сидр, пиво, белое вино, называемое «чистым», неперебродившее вино, смешанное вино, красное вино и «вино с гвоздичными пряностями для ненасытных утроб, чья жажда неутолима»¹⁹.

Благочестие правителей

Божий гнев не обрушился на герцога и герцогиню за то, что они посмели бросить вызов папе римскому. Казалось, что Бог благословил их союз, даровав чете многочисленное потомство. В 1051 году, как позже утверждал Вильгельм, герцог узнал о своих правах на корону.

В том году король Англии, благочестивый альбинос Эдуард Исповедник, сын Этельреда II от Эммы Нормандской и наполовину нормандец, был вынужден вплотную заняться решением проблемы престолонаследия. До недавнего времени он находился под сильным влиянием могущественной семьи Годвина, эрла Уэссекса, на дочери которого женился. Жена по имени Эдита не принесла ему детей, потому что праведный Эдуард предпочитал хранить целомудрие и не спешил вступать в супружеские отношения¹. В 1051 году между Эдуардом и Годвином произошла драматическая размолвка, в результате чего эрл вместе с семьей отправился в изгнание и искал приюта у отца Матильды, графа Бодуэна Фландрского. Бодуэн враждовал с Эдуардом Исповедником, который состоял в союзе с императором. Ранее в том же году сводная сестра Бодуэна и тетя Матильды, Юдифь, вышла замуж за Тостига Годвинсона, третьего сына Годвина, скрепив

связь графа с могущественным эрлом.

Годвин и его семья провели в гостях у графа одну зиму. Это был не первый случай, когда Бодуэн предоставлял убежище членам семьи Годвина. Матильда могла встречать при дворе отца старшего сына Годвина, несправедливого Свена, который бежал в 1046 году во Фландрию, после того как соблазнил и похитил Эдгиву, аббатису Леминстера.

Гнев короля Эдуарда на семью Годвина распространился и на его жену, королеву Эдиту, которую монарх отправил в монастырь. Казалось, там ей и суждено остаться. Надежд на рождение наследника не было, очевидного преемника королю – тоже. Единственным претендентом на престол, в чьих жилах текла англосаксонская королевская кровь, был племянник короля Эдуард Этелинг. «Этелинг» – англосаксонский титул, который давался принцу или родственнику короля. Эдуард Этелинг приходился сыном покойному единокровному брату короля Эдуарда, Эдмунду II Железнобокому, и проживал в далекой Венгрии.

Бытует легенда, вероятно выдуманная задним числом, что перед рождением герцога Вильгельма его матери Герлеве приснилось растущее из ее беременного чрева дерево, которое простирало ветви над Нормандией и Англией. Вильгельм утверждал, что в 1051 году король Эдуард, зная, что нормандский герцог станет сильным правителем, пообещал ему после своей смерти корону Англии.

Это могло быть правдой. Эдуард провел детство в Нор-

мандии и почти наверняка знал Вильгельма еще ребенком. Двор Эдуарда был создан по образцу просвещенного нормандского общества, а сам король всегда симпатизировал Нормандии. Он вполне мог прослышать, что Вильгельм, «будучи высокодуховным молодым человеком, достигшим своего положения благодаря энергии и силе характера»², «вполне достоин» короны. Возможно, Эдуард принял во внимание тот факт, что герцогиня, супруга Вильгельма, вела родословную от короля Альфреда. Вероятно, обещание Эдуарда передал Вильгельму архиепископ Кентерберийский Роберт Жюмьежский, выходец из Нормандии. В доказательство того, что Эдуард намерен сдержать обещание, сын Годвина Вульфнот и внук Хакон были оставлены при дворе Вильгельма в качестве заложников³.

Закон о первородстве, согласно которому отцу наследовал старший сын, еще не действовал в Англии. За предыдущее столетие право на английскую корону оспаривалось несколько раз. Часто случалось, что выигрывал сильнейший. В 1016 году датский король Кнуд занял английский трон, отвоевав его у древнего саксонского рода. Шансы Вильгельма на успех выглядели многообещающими, особенно после того, как Эдуард Этелинг умер в 1057 году, оставив наследником шестилетнего сына Эдгара. Согласно «Англосаксонской хронике», в 1051 году король Эдуард пригласил Вильгельма в Англию, где подтвердил свое обещание, подарив герцогу кольцо и церемониальный меч в знак расположения и доб-

рой воли.

К 1052 году политическая ситуация вокруг Нормандии сложилась таким образом, что брак Вильгельма с Матильдой превратился из желанного в необходимый. К юго-западу от Нормандии находились два небольших феодальных графства: Мэн и немного южнее – Анжу, стратегически важное государство в низовьях Луары во главе с воинственными правителями, склонными к экспансии. В том году Жоффруа Мартел, граф Анжуйский, завоевал Мэн и, оказавшись в выгодной позиции, похоже, готовился захватить и Нормандию. Франция, самый могущественный сосед Вильгельма, больше не была дружественной, поскольку ее король и сюзерен Вильгельма Генрих I заключил с Анжу союз, враждебный интересам нормандцев. Второй по силе державой была расположенная к западу Фландрия, поэтому союз Вильгельма с графом Бодуэном обретал особую важность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.